

— В сентябре в Калининграде объявился Осипов, Николай Константинович. Приехал будто бы к Латышеву.

— Может, насчёт Бобарыкина выяснять, какие у нас к нему претензии? - гадали мы.

— После выступления на секции в ИЗМИРАНе Коля Бобарыкин затих. В очередь на защиту его пока не ставили, так как не хватало каких-то бумаг, не готов был автореферат. И вот приехал Осипов, его второй (в паре с Латышевым) научный руководитель, бывший наш "крестный отец", первый заказчик при Гостреме. Тогда он работал в РТИ, потом в ИЗМИРАНе, защитил докторскую, потом в Красноярском университете - завкафедрой, профессором стал! Но пил повсюду запоями, из-за чего каждый раз ему приходилось в конце концов подыскивать новое место. В Москве у него оставалась квартира и жена Валя, врач. У них долго не было детей, а теперь вот, не так давно, родилась дочь. Осипов вернулся из Красноярска в Москву и устроился завкафедрой высшей математики в каком-то странном вузе - типа высшей школы профсоюзных работников.

— Наукой он продолжал интенсивно (хотя, на наш взгляд, не слишком качественно) заниматься, сотрудничал с ИКИ - Гальпериным, имел новых учеников - главным образом, красноярских девиц (Максимова, Янковская), поддерживал связи со старыми - Исаевым, Можаяевым. Всё это люди были вполне толковые, на порядок выше Коли Бобарыкина. Осипову его слабость они прощали, опекали при запоях и, похоже, уважали, несмотря ни на что. Диссертантов своих он проталкивал, как мог, и они за одно это были ему преданы, но и за учёного его признавали.

— Однако, алкоголизм, конечно, накладывал отпечаток на научную деятельность Осипова. Он много печатался, но и много повторялся при этом, продвижения вперёд почти не было, зато огрехов, некорректностей было предостаточно. В случае с Колей Бобарыкиным это особенно проявилось. Чувствовалось, что в Колину работу он не слишком-то вникал, руководил поверхностно, доверяясь вполне Коле, как и всем остальным своим диссертантам, и не отличая его, что ли, по уровню от остальных.

— Так вот, на следующий день после приезда Осипова мы прослышали, что он якобы ходил в университет к ректору и просился на работу, так как из профсоюзной школы его будто бы уже поперли. Больше ничего выяснить не удалось. А после обеда Осипов сам позвонил мне и попросил свидания, но в кирху идти не захотел, а предложил встретиться у гостиницы "Москва" и поужинать вместе. Я согласился и отправился на встречу с ним сразу после работы.

— Осипов оказался не один, а с Колей Бобарыкиным, к чему я, впрочем, внутренне был готов. Мы заняли столик в кафе "Москва" и поужинали, как ни странно, без водки, с вином, правда, каким-то, но в умеренном количестве. Говорил, в основном, Осипов. О том, что в профсоюзном этом вузе ему осточертело работать, хуже, чем в военном училище, такие жлобы кругом - что слушатели, что преподаватели. Калининград же ему всегда нравился, и если бы ему тут дали квартиру, то он с удовольствием бы здесь обосновался. И он, мол, даже не держится за геофизику, считает себя способным проявить и в других областях физики или математики. Это ему даже интересно было бы и полезно - внести в жизнь свежую струю. Я не мог сначала понять, а от меня-то он чего хочет? Потом решил, что просто зондирует, как я отнесусь к его намерению устроиться в университете. Ведь я отчасти ему и конкурент, тоже доктор и могу претендовать на профессорское место. Но своё отношение к такой возможности я и сам для себя ещё не мог полностью уяснить. Шансы у Осипова, конечно, есть. После ухода Брюханова на физфаке остался один профессор - Гречишкин, а ректор до профессоров весьма охоч, они ему для престижа университета и его личного нужны. Брюхановское место заведующего кафедрой теплофизики фактически оставалось вакантным, и его-то, наверное, Осипову и предложат, если уже не предложили. Недаром он заговорил о смене геофизики на что-то другое. И, конечно, он - не сравнить с Брюхановым. Пусть пробует.

— Я довольно вяло поддерживал разговор, ожидая, не перейдёт ли он на тему Бобарыкинской диссертации. Но нет, Осипов и не вспоминал про неё, хотя Бобарыкин сидел рядом, в разговоре практически не участвуя, но заметно отчего-то волнуясь. Самому же мне затевать этот разговор не хотелось. Я Коле про его работу всё сказал, что думал; если его научный руководитель захочет послушать, скажу и ему. Но научному руководителю, похоже, было не до Коли, его волновали сейчас собственные дела. С окончанием ужина угас и наш разговор, мы распрощались, и Бобарыкин повёл Осипова к себе.

— А через день мы узнаём сногшибательную новость: ректор предложил Осипову место заведующего кафедрой теоретической физики, и тот согласился. Ситуация в корне изменилась. Если вместо Брюханова Осипов и мог сойти, никаким образом не задевая наших интересов, то заменять им Корнеева не улыбалось ни кафедре теорфизики, ни мне лично, ни обсерватории как заказчику этой кафедры.

— Сам-то Николай Алексеевич Корнеев, кандидат наук, защитившийся уже при мне, ставший завкафедрой теорфизики после Прица просто, видимо, по возрасту, маленький, невзрачный, косоглазый человек лет пятидесяти, самый старший на кафедре, не отличался особыми качествами руководителя или учёного. Но, будучи человеком глубоко порядочным, мягким, скромным, он как нельзя более подходил к роли заведующего именно этой - консолидированной, дружной, закалённой в боях с Гострем и Брюхановым кафедры. При нём на кафедре всё как-то устоялось, наладилось, вроде бы миновала пора борьбы и интриг, и всем можно было спокойно заниматься наукой, а к этому все в самом деле только и стремились - и Корнеев, и Серёжа, и Шпилевой, и Локтионов, и Иванов. И вот очередная пертурбация!

— А ректор-то, неужели не знает, что алкоголика берёт? Сам же потом хлопот с ним не оберётся!

— Пришлось срочно "доводить" до ректора информацию об особых осиповских качествах. Сам Осипов рассказывал мне потом, что ректор якобы в лоб его спросил:

— Скажите, пожалуйста, говорят, Вы пьёте?

— На что не растерявшийся Осипов, опять же якобы, ответил вопросом:

— А Вы?

— Ну, иногда, по особым случаям бывает, конечно...

— Вот и я - иногда, по особым случаям.

— Как бы то ни было, Осипова в КГУ не взяли. То есть сразу как будто бы не отказали, но начали юлить-темнить, обещали вызвать из Москвы. Осипов уехал и больше у нас не появлялся. Про бобарыкинские дела с нами он так и не разговаривал. Не пробившись в КГУ, Осипов снова уехал в Красноярск, но не в университет, где его хорошо знали, а в какую-то геофизическую (разведочную) контору.

— А вот в обсерваторию был принят на работу ... Гострем!

— На должность старшего научного сотрудника с окладом в 400 рублей. Эту должность для себя он пробил не у Мигулина в ИЗМИРАНе, а у самого Велихова, вице-президента Академии Наук, который якобы специально выделил для этого ставку для обсерватории. Ну, что ж, мы не стали особенно огорчаться. Навредить чем-либо Гострем уже был не в состоянии: ни пороха, ни авторитета, укатали сивку крутые горки. А ставка есть ставка: это ощутимая прибавка к фонду зарплаты и к премиальному фонду, и потом - Гострем уйдёт, она останется.

— Когда Гострем явился в обсерваторию к Иванову как его новый старший научный сотрудник, он заявил первым делом, что ему нужен отдельный кабинет и телетайп, и что он будет заниматься проблемами океана. На что Иванов ему ответил:

— Кабинетов свободных нет, телетайпом разрешаю пользоваться в общем порядке, а заниматься можете, чем хотите, только чтобы никому не мешать и ни во что вмешиваться.

— Гострем ответом удовлетворился и появлялся в кирхе только за зарплатой. В командировки ему разрешалось ездить куда угодно, он и не вылезал из них по своей

старой привычке, только ездил теперь чаще не в Москву, а куда-то на Дальний Восток. Чем он там занимался и чем занимался вообще, для всех нас оставалось загадкой, которую, впрочем, никто особенно и не стремился разгадать. С тех пор как Гострема окончательно изгнали из университета, он вроде бы числился профессором-консультантом в Институте океанологии, но на полноценную ставку его туда не брали. Видать, раскусили или прослышали про его таланты. Чему он там консультировал и чем вообще в это время занимался - неизвестно.

— Подал он на конкурс и снова в КГУ на место завкафедрой общей физики (бывшее Кочемировского) вместе со своим любимым учеником Мишей Никитиным - не прошёл, оттеснил его ученичок, хотя и набрал что-то голосов около пяти. Иногда Гострем заглядывал в кирху навестить Иглакова, мог "поговорить" (то есть побормотать что-то невнятное на своём жутко иностранном языке, который с годами становился всё более похожим на бред сумасшедшего) с Ивановым или с Саенко, и только меня старательно избегал, делая вид, что не замечает, когда я проходил мимо.

— Году в семьдесят девятом как-то мы столкнулись с ним в кирхе, когда он зашёл к Иглакову, и увернуться от моего прямого "Здрасьте" ему никак не выходило. И он тут выдал со своим диким ржаньем (теперь его совсем не слышно):

— А, это ты, ещё жив разве? А я думал, это твой гроб, так сказать, там стоит в углу..., - и он махнул рукой куда-то в сторону лестницы.

— "Совсем спятил", - подумал я про себя. - "Бедный старик".

— Чувствовалось, что он всем всё простил, только не мне. Я же не питал к нему теперь никаких чувств, разве что жалость иногда прорезалась. И вот "бедный старик" добился-таки своего после долгих скитаний по инстанциям, взяли его на полную ставку в учреждение Академии Наук за былые, небось, "заслуги" в загадочной заграничной его деятельности. На пенсию ему, конечно, не хотелось - не для него спокойная жизнь, да и денег мало. Из детей его младших за эти годы я только раз встретил Мартина, в винном магазине, патлатого, щербатого, спившегося и опустившегося. Меня он узнал и поздоровался.

(продолжение следует)

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)